

ТОЛСТОЙ И МУЗЫКА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

Музыка занимала значительное место в жизни Толстого. Непосредственное воздействие музыки на него было сильнее других искусств.

Льва Николаевича всегда глубоко интересовал вопрос о том, что такое музыка, философское обоснование ее внутренней сущности. В «Крейцеровой сонате» он восклицает: «Вообще, страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что делает?». «Страшную» силу музыки Лев Николаевич неоднократно подчеркивал. Например, о музыканте Кизеветтере он говорил, что в нем был «страшный внутренний огонь».

Сущность музыки действительно является трудно объяснимой. Почему звуки различной высоты и степени силы, отдельные или одновременно звучащие многие, следуя друг за другом во времени и соединяясь в какие-то мерные ритмические построения, способны оказывать такое мощное, заражающее воздействие на человека? Почему в одном случае эти звуковые сочетания являются бессмысленным набором звуков, а в другом — симфонией Бетховена? Загадка эта была и остается пока неразрешенной.

Словесные и изобразительные искусства всегда воспроизводят какую-то натуру (безразлично — взята ли она из действительной жизни или является плодом фантазии художника) — что-то изображают. Архитектура хотя и бессюжетна, но к ней всегда предъявляются требования целесообразности в смысле возможного ее практического применения. Архитектурное произведение — это жилище, храм, концертный зал, памятник и т. д.

Если исключить музыку «программную» и музыку со словами (это уже не чистое музыкальное искусство, а слияние в одном произведении элементов разных искусств), характерным признаком музыки является ее «беспредметность».

«Беспредметность», т. е. отсутствие конкретных объектов изображения, нередко смешивается с отсутствием содержания, и музыку превращают только в игру звуков. Это глубоко неверно: ни одно искусство не передает с такой силой воздействия и с такой непосредственностью, как музыка, идейное и эмоциональное содержание, пережитое композитором и выраженное им в звуках. Я сказал бы, что для музыки неминуемо губительны попытки заменить реализм «натурализмом». «Содержание» музыкального произведения ярче и сильнее всего передается самим музыкальным произведением и не нуждается ни в каких «подстрочниках».

Самое существование музыкального искусства неустойчиво. Всякое музыкальное произведение протекает во времени, а этот его временный строй не может быть вполне точно зафиксирован. Всякая запись музыки является более или менее несовершенным приближением. Вообще, самое существование записанного музыкального произведения только потенциально, — это лист бумаги, испачканный черной типографской краской. Между автором и слушателем неминуемо должно существовать

третье лицо — исполнитель, без которого музыка не звучит, а музыкальное произведение — фикция. Исполнитель вынужден всякий раз заново (и всегда различно) творчески воссоздать замысел автора. Всякое музыкальное исполнение всегда однократно и никогда не бывает вполне адекватным замыслу автора.

Я не хочу сказать, что все высказанное здесь мною точно выражает мысли Льва Николаевича о музыке, но обо всем этом мне много раз случалось с ним беседовать, и все это очень его интересовало.

Из различных попыток философского объяснения музыки Льву Николаевичу казалась наиболее значительным своеобразием воззрение на музыку Шопенгауэра, хотя он и не считал его действительно объясняющим ее сущность.

Лев Николаевич проводил аналогию между музыкой и сном. Во сне часто бывает несоответствие между видимыми событиями и нашими ощущениями; переживаемые нами во сне чувства часто не соответствуют вызвавшим их поводам. Это происходит оттого, что во сне мы как бы впадаем в различные состояния: любви, злости, радости, умиления и т. п., которые совершенно не зависят от случайных, возникающих в нас образов, но по привычке невольно нами связываются с ними в цепь причин и следствий. Также, по мнению Льва Николаевича, и музыка не порождается внешними образами и не вызывает их в нас (эти образы, во всяком случае, — элемент привходящий, не определяющий существа музыки); музыка же порождается «состояниями» любви, радости, печали, страсти и т. д. и вызывает их в нас.

Лев Николаевич от природы был (как большинство членов семьи Толстых) очень музыкален. Были у него в молодости периоды страстного увлечения музыкой, когда он часами занимался игрой на фортепиано и даже, повидимому, слегка мечтал стать музыкантом. Изучал он одно время и теорию музыки. В одном письме 50-х годов Лев Николаевич пишет:

«В очень несовершенном виде испытал счастье артиста».

Однако, это увлечение не было прочным. Лев Николаевич был слишком художником, чтобы не почувствовать скоро, что музыка не его призвание. Он остался в музыке на всю жизнь дилетантом, но чуток к ней был в высшей степени.

Я не решился бы назвать музыкальный вкус Льва Николаевича непогрешимым. Многие, что с моей точки зрения является музыкой величайшей ценности, оставляло его равнодушным или даже вызывало к себе резко отрицательное отношение (хотя я глубоко убежден, что при более совершенном исполнении и при многократном прослушивании отношение Льва Николаевича во многих случаях могло бы совершенно измениться).

Гораздо совершеннее был музыкальный вкус Льва Николаевича по отношению к тому, что ему нравилось. Нравилось ему почти всегда действительно самое лучшее и никогда плохое. Перечислять любимых композиторов Льва Николаевича и его любимые музыкальные произведения я не буду, так как это уже неоднократно делалось.

Лев Николаевич любил музыку с определенно выраженным ритмом, мелодически ясную, веселую или полную страстного возбуждения. Музыка с сентиментальным оттенком или ноюще-грустная мало трогала его. В сложном изложении он не всегда мог (особенно с первого раза) разобратся и потому судил не всегда справедливо, не отличая действительных нагромождений, неясностей и усложнений для усложнений от моментов хотя и сложных, но насыщенных богатым содержанием и по существу ясных и логичных.

Когда Лев Николаевич слушал музыку, если исполняемое и исполнитель ему нравились, она его очень сильно захватывала. Он иногда не мог даже удержаться и во время исполнения как-то одобрительно крях-

тел, а то даже и вскрикивал: «А-а...». Чаше же всего обливался слезами. Часто, прослушав какую-нибудь вещь своего любимого Шопена, он говорил:

— Вот как надо писать!

Мне не очень часто случалось наблюдать Льва Николаевича во время музыки, так как большей частью я сам играл ему.

Во время игры он обычно садился в старинное, низкое и широкое дедовское кресло, обитое дешевой материей, стоявшее как-раз у хвоста рояля.

Л. Н. ТОЛСТОЙ и А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР ЗА ШАХМАТАМИ

Рисунок А. Моравова, 6 ноября 1909 г.

Толстовский музей, Москва

Каких музыкантов Льву Николаевичу случалось слышать? Повидимому, он вообще мало слышал симфонической оркестровой музыки. Кого из артистов слышал Лев Николаевич в старину, я мало знаю. Знаю, что он нередко слышал братьев Рубинштейнов (особенно Николая).

Об Антоне Рубинштейне Татьяна Львовна рассказывала мне любопытный случай. Однажды на святках у Олсуфьевых был костюмированный вечер, на котором костюмированными масками изображался «Карнавал» Шумана. Приехавший случайно на вечер Антон Рубинштейн заинтересовался, сел за рояль, и «Карнавал» был инсценирован под его исполнение.

Лев Николаевич однажды при мне вспоминал, что был на первом представлении «Русалки» и сидел в одной ложе с Даргомыжским.

При мне из выдающихся музыкантов у Льва Николаевича играли: пианисты — Танеев, Скрябин (один раз), Рахманинов (один раз), Зилоти, Игумнов, Корещенко и др.; скрипачи — Гржимали, Сибор, Могилевский (последний приезжал также и со своим квартетом при Льве Николаевиче в Крекшино, к Чертковым, в сентябре 1909 г.); виолончелисты — Брандуков, Букиник. Был в Ясной Кусевицкий со своим контрабасом, приезжавший с членами Французской ассоциации старинных инструментов. Приезжала два-три раза Ванда Лаидовска со своим клавесином и играла также много и на фортепиано. Бывало и «московское трио» — Шор, Крейн и Эрлих; из певцов: Климентова-Муромцева, Шаляпин (один раз), Оленина д'Альгейм (один раз). Был в Хамовниках также знаменитый «чешский квартет».

Из больших музыкантов был при мне однажды в Хамовниках Римский-Корсаков. Римский-Корсаков очень враждебно относился к взглядам Льва Николаевича на искусство, но высказываться остерегался, так что, помню, особенно интересных разговоров не было, а шел обычный светский разговор за вечерним чаем. Был в Ясной один раз (не при мне) Аренский.

Лев Николаевич очень любил русскую (да и всякую) народную музыку. Любил балалайку, гитару, даже (издали) гармонику. Любил и пение цыган. Терпеть не мог граммофона.